

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

И. М. Линдер

У ПОРОГА ОТКРЫТИЯ

«В игре да в дороге узнают людей», гласит старинная русская поговорка. К этому можно добавить: в игре проявляется душа народа. Разве можно, например, представить себе жизнь узбеков без сцен народной борьбы «кураш», современных бразильцев — без вездесущего футбола или японцев — без настольной игры в «го»...

В играх — как развивающих физические силы, так и тренирующих интеллект — отражаются национальные и бытовые особенности людей, нравы и обычаи народов. О том, как глубоко проникают они в самую плоть и кровь народного организма, семейной и общественной жизни, много интересного могут рассказать и памятники устного народного творчества, и изделия ремесленного производства, и произведения прикладного искусства.

Отсюда можно заключить, что картины народной жизни, воссоздаваемые в известной серии этнографических очерков «Народы мира», оказались бы еще более разносторонними, яркими, сочными, если бы в них добавили раздел «народные игры».

Сказанное в полной мере относится и к исторической этнографии. Авторы вышедшей недавно работы о средневековой жизни народов Средней Азии справедливо сетуют на то, что в отличие от праздников и обычаев, которыми давно интересуются ученые, история игр почти не затронута исследователями. А между тем они занимали в быту населения (и об этом свидетельствует накопленный археологический материал) большое место¹.

Одни игры живут недолго, лишь несколько поколений, другие — столетия. А некоторые удивительно живучи. Переходя от народа к народу и представляя собой тем самым прекрасный пример взаимовлияния и обогащения народных культур, эти игры оседают в той или иной стране и приобретают национальный колорит — новые названия, специфическое преломление в быту, художественных промыслах, культурной жизни.

К ним относится прежде всего шахматная игра — королева настольных игр. Свыше тысячи лет пленяла она ум и воображение многих народов Азии и Европы, а ныне является достоянием народов всей планеты, став поистине благоприобретением человечества.

Нетрудно ответить на вопрос, почему шахматы пользуются такой популярностью во всем мире. Игра эта — источник такой гаммы эстетических чувств, спортивных переживаний, умственных нагрузок и размышлений, что она стала своего рода эталоном человеческих возможностей, мерилем его способностей, предметом самых разнообразных соревнований.

¹ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков, Средневековый город Средней Азии, Л., 1973, стр. 129.

Гораздо сложнее оказалось выяснить, когда и где впервые появилась на свет мудрая игра, время и пути ее первоначального распространения и развития. По этим вопросам написаны уже горы книг, высказаны самые различные гипотезы и точки зрения. Но под них до сих пор не подведен еще общий знаменатель...

Вот уже более полутора столетий ученые разных стран стремятся проникнуть в тайну происхождения шахмат. Они изучают санскритские рукописи и трактаты средневековых мастеров, восточный фольклор и этимологию, этнографические очерки современников и археологические находки, а также другие исторические памятники, чтобы выявить игру, послужившую основой для создания шахмат, время и место появления их в известном нам сегодня виде.

Большинство исследователей считает, что начало шахматной игре положила чатуранга, возникшая в Северной Индии. При этом, однако, они расходятся по вопросу — были ли шахматы созданы в результате одновременного изобретения или в ходе длительной эволюции. Так, известный английский ориенталист Г. Мэррей, автор фундаментального труда «История шахмат», вышедшего в свет в 1913 г. в Оксфорде и содержащего глубокий анализ процесса развития шахмат, был склонен считать, что они возникли в результате какого-то «толчка», данного одним человеком. К этому выводу ученый пришел в связи с отсутствием заслуживающих доверия документальных данных о древнейшем периоде игры. Во всяком случае, в написанном им в 1917 г. (опубликован в 1963 г. после смерти автора) кратком историческом очерке о шахматах вступительная часть была озаглавлена «Изобретение». В ней утверждалось, что чатуранга, появившись на свет, по расстановке фигур не отличалась от современных шахмат и что «эта игра была сознательным и намеренным изобретением какого-либо жителя северо-западной Индии»².

Иную точку зрения высказали в начале XX в. другие историки шахмат, в том числе замечательный сибирский этнограф и археолог И. Т. Савенков. Он тоже сетовал на ограниченность сведений и источников. Но уже то, что было известно (особенно этнографическое описание чатуранги, сделанное в начале XI столетия хорезмским ученым Бируни, а позднее индийскими авторами, а также изучение шахмат у народов Сибири и Дальнего Востока) привело его к убеждению, что шахматная игра прошла в Азии различные ступени — как в процессе своего развития, так и в период зарождения. При этом Савенков полагал, что вопрос об эволюции древнеиндийской формы и ее последующем прогрессе «может быть исследован и выяснен только этнографией»³.

Современный уровень знаний по этому вопросу позволяет уже более определенно высказаться в пользу того, что шахматы на протяжении около полутора тысяч лет прошли три ступени развития: чатуранга — шатранг — современные шахматы. При этом первоначальные сведения о шахматах в Индии касаются не современной формы этой игры, а чатуранги (четверной игры). В ней были представлены фигуры, изображающие слонов (хасты), колесницы (ратха), конницу (ашва) и пехотинцев (падати), а также царя (раджа). Позднее она встречается у индийских авторов под названием чатурраджа (игры четырех царей). Фигуры располагались на 64-клеточной доске (аштапада) в четырех углах.

Именно такая игра описана у Бируни в его труде «Индия» (XI в.). Это не были еще шахматы в нашем представлении — не только по-ино-

² Н. J. R. Миггау, *A short history of chess*, Oxford, 1963, p. 1.

³ И. Т. Савенков, *К вопросу об эволюции шахматной игры. Сравнительно-этнографический очерк, «Этнографическое обозрение», кн. LXIV, М., 1905, стр. 53—56 (отд. оттиск).*

му размещались фигуры и отсутствовал ферзь, но и сама игра сводилась не к тому, чтобы поставить мат королю, а к уничтожению всех сил противника. Соперники делали ходы поочередно в соответствии с показаниями игральной кости. Например, если выпадала цифра «2», то играла ладья, «3» — конь, «4» — слон и т. д. Причем каждая фигура имела определенную стоимость, согласно которой играющие получали свою долю ставки⁴.

Следовательно, игра эта, с одной стороны, принципиально отличалась от современной, ибо в ней еще была велика роль случая и ставились иные цели перед играющими. В то же время игра чатуранга, во всяком случае в том виде, в каком она нам известна по описаниям средневековых авторов, носила военный характер и непосредственно предшествовала игре, получившей впоследствии широкое распространение под названием шатранга.

Как строй войска чатуранга часто упоминалась в древнеиндийском эпосе «Махабхарата», который сложился примерно в VI—V вв. до н. э. и был записан на санскрите в первые века нашего летоисчисления. Здесь то и дело вступает в бой, как говорится в «Адипарве», «могучее войско, состоящее из четырех родов», в том числе «приводимые в бешенство» громадные слоны с восседавшими на них легендарными героями и игравшие решающую роль в сражении колесницы с могучими воинами и главными военачальниками⁵. Что касается конницы, то, как полагает исследователь древнеиндийского военного дела Б. П. Синха, ее роль особенно возрастает с началом буддийского периода — в результате «прихода скифов»⁶.

В эпосе нередко приводятся сведения и об игре в кости. Герой Юдхиштхира, благодаря не знающей границ страсти к этой игре, теряет царство, обрекает себя и близких на тяжелые скитания. О том, как велика была приверженность к игре в кости у юношей древней Индии, рассказывает еще «Ригведа», где в «Гимне игрока» игральные кости рассматриваются в качестве враждебной человеку магической стихии:

Они вниз катятся, они вверх прядают,
Без рук одолевают имеющего руки.
Неземные угли, брошенные в желобок.—
Сжигают сердце, хоть и сами холодные⁷.

Воспринималась ли чатуранга как одна из разновидностей игры в кости и потому не считалась достойной особого описания, мы не знаем. Ясно одно, что ни древнеиндийский эпос, ни санскритская литература первых столетий нашей эры (самые ранние упоминания о чатуранге мы находим в произведениях VII—IX вв.), ни легенды о шахматах, получившие распространение на Востоке в средние века, ничего не добавляют к решению вопроса о времени ее бытования и месте сложения. В этом плане ничего не может поведать, например, и самая старая из известных легенд о шахматах. Создание их она приписывает одному брахману, который взамен за свое изобретение попросил у раджи незначительную, на первый взгляд, награду — столько пшеничных зерен, сколько покажут 64 клетки шахматной доски, если, начиная с одного зерна, число все время удваивать. Их оказалось, однако, так много

⁴ Абурейхан Бируни, Избранные произведения, т. II, «Индия», Ташкент, 1963, стр. 186—187.

⁵ В. И. Кальянов, Некоторые военные вопросы в древнеиндийском эпосе, «Махабхарата», кн. 4, М., 1967, стр. 143—148.

⁶ Б. А. Литвинский, Таджикистан и Индия, сб. «Индия в древности», М., 1964, стр. 158.

⁷ «Поэзия и проза Древнего Востока», «Библиотека всемирной литературы», М., 1973, стр. 386.

(18 446 744 073 709 551 615), что раджа не в силах был выполнить свое обещание.

Так как по сути своей эта легенда говорит лишь об игровых возможностях на 64-клеточной доске и не содержит ничего специфического для понимания самих шахмат, то можно предположить, что она возникла в Индии еще до их появления, а позднее стала ассоциироваться с этой игрой. Поэтому сюжет ее представляет интерес скорее для исторического обозрения математических теорий игр.

В этой связи трудно согласиться с отдельными гипотезами по вопросам возникновения шахмат, которые основаны не на конкретно-историческом анализе, а на различных математических, астрологических и других теориях. Во-первых, если бы игра эта носила с самого начала отвлеченный, мистический характер, какой приписывают ей нынешние авторы математических гипотез, мало вероятно, чтобы она стала в полном смысле этого слова народной и триумфально процветала бы по всем странам и континентам нашей планеты. Во-вторых, во всех этих построениях большей частью не учитывается эволюция правил игры, ходов фигур, а анализ ретроспективен и очень далек от фундамента подлинно исторических фактов далекого прошлого⁸.

Установление математической и иной первоосновы ходов фигур может, на наш взгляд, оказаться полезным для выяснения обстоятельств возникновения игральных досок, в частности, аштапады, разного рода игр, предшествовавших чатуранге, или позднейших модификаций шахмат, но менее всего оно помогает узнать, как зародилась игра военного характера, а тем более причины ее быстрого распространения и особенности эволюции в других странах. Нельзя также отрицать и того, что астролого-математические концепции, которые стали модными в последнее время, способствуют возникновению дискуссии вокруг проблем происхождения шахматной игры, однако практически они пока что не помогли решить ни одного вопроса, связанного с выяснением обстоятельств и времени появления ее на свет.

В конце 1972 г. ТАСС сообщило сенсационную новость — узбекские археологи во время раскопок древнего городища Дальверзин-Тепе нашли две шахматные фигурки II в. н. э. Эта весть обошла советскую и мировую прессу. «Шахматы родились на четыре столетия раньше, чем предполагали», — таков был лейтмотив комментариев многих газет и журналов. А в шахматном еженедельнике («64») утверждалось, что эта находка дает веское основание для более твердой ориентации в исследовании индийской чатуранги на первые века нашей эры⁹.

О том, что археологам предстоит сказать решающее слово в изучении проблем раннего развития шахматной игры, становилось в последнее время все более очевидным благодаря замечательным открытиям советских и зарубежных ученых в изучении кушанской культуры первых веков нашей эры. Речь идет о культурной жизни в государствах Кушан (II—I вв. до н. э. — III—IV вв. н. э.) и эфталитов (V—VI вв. н. э.), которые занимали обширную территорию Северной Индии и прилегающих районов современного Афганистана, южных районов Средней Азии, часть Восточного Ирана. Важную роль в политической и культурной истории этих государств играла Бактрия (позже — Тохаристан), которая включала в себя южные районы Узбекистана и Таджикистана и Северный Афганистан. Здесь рано распространяется буддизм, наблюда-

⁸ Так, в книге Н. М. Рудина объяснение происхождения игры, расстановки фигур и правил скрытыми в квадрате шахматной доски магическими рядами с одной и той же константой носят явно искусственный характер (см. Н. М. Рудин, От магического квадрата к шахматам, М., 1969). Это достаточно убедительно показано в статье: Ю. Барский, Е. Полторанов, Открытие не состоялось, «Шахматы в СССР», 1970, № 5, стр. 28, 29.

⁹ «Самые древние шахматы», «64», М., 1973, № 1 (236).

ется отчетливо выраженное влияние индийской культуры и искусства. Бактрия, в свою очередь, оказала воздействие на развитие гандхарского искусства. Обо всем этом наглядно свидетельствуют иконографические материалы археологических памятников Бактрии — Тохаристана, Маргианы и более северных территорий Средней Азии. И буддийское и небуддийское искусство несут здесь черты влияния и взаимодействия с индийским искусством¹⁰.

Как известно, в античное время и в раннем средневековье искусство реалистического изображения животных и людей в виде терракотовых статуэток, а также костяных и иных изделий достигло высокого уровня в Индии, Средней Азии, Иране и других странах Востока. Отсюда закономерно появление таких игр, где на доску ставились миниатюрные фигурки. Наряду с другими обстоятельствами, это в немалой степени благоприятствовало зарождению и распространению индийской чатуранги.

Все это делает понятным тот огромный интерес, который был проявлен научной общественностью к находке осенью 1972 г. в Дальверзин-Тепе двух фигурок индийского происхождения из слоновой кости, датированных II в. н. э. и изображающих слона и быка-зебу. Высота первой из них около 2 см, второй — 1,8 см. Подставки свидетельствуют об их игровом назначении, а по своим величинам они типичны для средневековых шахмат, размеры которых, как правило, сохранялись в пределах 2—4 см.

Фигурки обнаружены экспедицией ташкентского института искусствознания им. Хамзы под руководством члена-корреспондента Академии наук Узбекской ССР Г. А. Пугаченковой, которая уже несколько лет исследовала этот древний город на правобережье Сурхандарьи. Он возник еще в греко-бактрийскую эпоху (III—II вв. до н. э.) и стал затем одной из цитаделей Кушанского царства. Крушение кушанской династии в начале IV в. н. э. привело к запустению города, а после арабского завоевания Дальверзин-Тепе прекратил свое существование.

Ныне перед взорами археологов открылся почти «стерильный» город, необычайно перспективный для исследования древней цивилизации на территории Средней Азии¹¹.

В городище Дальверзин-Тепе открыты памятники древней архитектуры, квартал-гончаров, скульптура из буддийского святилища, фрагменты терракотовых статуэток и ранней кушанской живописи, клад редчайших драгоценных украшений. Две миниатюрные фигурки, которые руководители экспедиции Г. А. Пугаченкова и Б. А. Тургунов определили как шахматные, были обнаружены на полу одной из комнат дома на глубине до 2,5 м от дневной поверхности. Датировалась находка II в. благодаря тому, что в слое, лежащем выше ее на 40 см, нашли бронзовую монету кушанского царя Хувишки (около II в. н. э.). Так что эти фигурки могут быть и более раннего времени.

Археологи, обнаружившие фигурки, склонны отнести их к переходной форме игры от чатуранги к шатрангу. При этом они называют чатурангой «сражение равных по силе партнеров, как бы идущих из четырех стран света, из четырех углов разделенной на клетки доски»¹². К этому заключению они пришли, исследуя изображения слона, льва, быка-зебу и коня на индийских стамба III—II вв. до н. э., символизир-

¹⁰ О буддизме в Средней Азии и проникновении индийской культуры см.: В. А. Litvinsky, Outline of history of Buddhism in Central Asia, Moscow, 1968; Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль, Аджина-Тепе. Живопись. Скульптура. Архитектура, М., 1971.

¹¹ Г. А. Пугаченкова, Новое в изучении Дальверзин-Тепе (К истории Бактрийско-Кушанской городской культуры), «Сов. археология», 1971, № 4, стр. 202.

¹² Г. А. Пугаченкова, Б. А. Тургунов, Исследование Дальверзин-Тепе в 1972 г., в сб. «Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана», Л., 1974, стр. 65.

ровавших четыре страны света. Эта символика, по их мнению, вошла в чатурангу.

Интересно также предположение о том, что ко времени образования Кушанской державы в I в. н. э. чатуранга в Индии существовала. Ибо дальверзинские находки говорят в пользу того, что в следующем столетии она проникла в ее северо-западные владения — в Бактрию.

Рис. 1. Слон. Слоновая кость. Дальверзин-Тепе. II в.

Рис. 2. Бык-зебу. Слоновая кость. Дальверзин-Тепе. II в.

Насколько эта гипотеза соответствует действительности, сегодня еще трудно сказать. Во всяком случае, она выглядит вполне правдоподобной. Описанная в «Махабхарате» организация армии в Индии к этому времени уже изменилась, и поэтому название ее могло быть перенесено на игру не в абсолютном значении слова, а означало лишь игру четырех партнеров. Тем не менее, терминология чатуранги, ее позднейшие описания индийскими авторами (например, у Ратнакары и Рудраты в IX в.) и, главное, последующее развитие игры, представляющей собой своеобразную модель военного сражения, а не символику, в которой фигуры животных олицетворяли части света, дают основание утверждать, что найденные фигурки, скорее всего, принадлежали игре, непосредственно предшествовавшей военной чатуранге.

Менее вероятно другое предположение, высказанное З. М. Ходжаевым и поддержанное Б. А. Тургуновым в его предыдущей публикации. Находка в Дальверзин-Тепе могла быть, по их мнению, частью комплекта стоклеточных шахмат, которые явились

одной из модификаций чатуранги, распространенных якобы уже в то время в Индии и Средней Азии¹³.

В этой статье, как и в последующем научном сообщении того же автора, вместе с тем совершенно правильно ставится вопрос о необходимости более широкого рассмотрения всех найденных ранее в раскопках терракотовых скульптурок с точки зрения их возможного применения к чатуранге¹⁴. По-видимому, речь может идти пока что лишь об изобра-

¹³ Б. Тургунов, Фигурки из Дальверзин-Тепе, «Шахматы в СССР», 1973, № 5, стр. 16, 17.

¹⁴ Б. А. Тургунов, Новые данные к истории шахмат в Средней Азии, «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1973, № 11, стр. 76.

зительных фигурках, соответствовавших терминологии чатуранги. Ибо из трех приведенных автором примеров абстрактная «пешка», наиболее убедительная с его точки зрения, явно интерпретирована на основании современных шахмат и вряд ли имеет отношение к древней чатуранге.

Ценность находки в Дальверзин-Тепе отмечают в своих статьях и публикациях и зарубежные историки шахмат. Так, известный итальянский исследователь Адриано Кикко считает сообщение советских археологов одним из самых важных за последние годы, касающихся древней истории шахматной игры¹⁵. Западногерманского историка шахмат Эгберта Мейсенбурга смутила фигурка быка-зебу, в связи с тем, что о наличии ее в шахматной игре ничего не сообщают индийские и арабские источники¹⁶. Но ведь о распространении чатуранги из Индии в другие страны и ее ранних модификациях, особенно об игре, предшествовавшей ей, у нас вообще нет никаких документальных данных. Между прочим, позднее, в XV в., бык входил в число фигур 112-клеточных шахмат в Средней Азии. О модификациях шахмат на досках вплоть до 144 клеток сообщает интересные сведения Г. Мэррей¹⁷.

Хотя двух фигурок недостаточно для того, чтобы определенно сказать, принадлежали ли они к чатуранге или к какой-либо другой более ранней форме, в целом следует оптимистично оценивать значение для изучения истории шахмат дальверзинских находок и возможность новых археологических открытий на древних городищах Кушанского царства периода его расцвета и государства эфталитов.

Установить состав древних шахматных фигур Индии и стран Средней Азии трудно еще и потому, что мы не знаем, всегда ли они изготовлялись в полном соответствии с характером военной игры и терминологии. В частности, фигурировали ли в игре кони без всадников, слоны без воинов и воинского снаряжения; применялись ли символические фигурки, особенно в значении пешек; насколько близко к действительности воспроизводились в игре боевые колесницы древней Индии.

Решение этих вопросов важно не только для изучения чатуранги, но и для представления о ее дальнейшем развитии. Со временем она претерпела столь значительные изменения, что, по существу, возникла не модификация ее, а совершенно новая игра. В ней вместо четырех лагерей по восьми фигур в каждом на доске действовали уже два лагеря, сражались два противника, каждый из которых имел в своем распоряжении по шестнадцати фигур. Одна из них, изображавшая полководца, стала шахом (королем), которого по правилам игры уже нельзя было уничтожать, а другая — его советником (ферзем). Такой порядок и расположение фигур сохранились в шахматах до настоящего времени.

Новая игра получила название «шатранг». Когда и где появилась она впервые?

В поэме Фирдоуси «Шах-наме» (конец X — начало XI в.) приводятся две легенды о возникновении и первоначальном распространении игры, в которой действуют и «победу разумом одерживают» фигуры, изображающие войско. Героями одной из них являются индийские царевичи Гав и Талханд. После смерти их отца Джамхура между ними возникла междоусобица, в результате которой войско Талханда было разгромлено, а сам он внезапно скончался на спине слона. Мать, узнав о смерти младшего сына, в отчаянии обвинила Гава в убийстве брата. Желая утешить мать и показать, что Талханд не был убит в сражении, Гав собрал мудрецов со всех концов страны. Один из них, что слыл «в Индии доблестней всех и мудрей, ...поле войны начертал, движение войск

¹⁵ A. Chieco, *Contributi dell' Archeologia alla più antica storia degli scacchi*, «Tut-
to Scacchi», Roma, 1974, № 4, p. 182.

¹⁶ «Schachwissenschaftliche Forschungen. Beiträge zur Kultur- und Geistesgeschichte
des Schachspiels», Winsen/Luhe, 1973, № 2, S. 42.

¹⁷ H. J. R. Murray, *A history of chess*, Oxford, 1913, p. 344—346.

и вождей указал». На доске, разбитой на клетки, он изобразил весь ход битвы, гибель одной из армий, но не ее полководца.

В передаче другого сказания о создании шахмат поэт использовал мотивы небольшого произведения «Матикан-и-чатранг» («Книга о чатранге»), вошедшего в пехлевийский эпос, который был сложен на рубеже VI и VII вв. Здесь излагается традиционная версия о том, как сложная игра была направлена для разгадки ее сущности одним царем другому, в данном случае индийским раджою могущественному шахиншаху Ирана Хосрову I Ануширвану (531—579). Среди приближенных шаха нашелся лишь один мудрец, Вазургмихр (у Фирдоуси — Бузургмихр), которому удалось разгадать правила шахматной игры. Любопытны строки эпоса, где утверждается, что игра явилась плодом долгих лет совершенствования: «Сколько ученых Индии эту игру Чатранг с большим трудом и усердием создали, сюда прислали, расставили, и никто раскрыть ее в состоянии не был»¹⁸.

Обе легендарные версии обращают на себя внимание в первую очередь своей индийской «направленностью». Но первая из них могла с одинаковым успехом появиться как в Средней Азии, так и за ее пределами, где господствовало влияние буддизма. Что касается второй легенды, то в ней нашла отражение общая идеализация времени Хосрова, который слыл покровителем наук и искусства и во многом способствовал усилению культурных связей Ирана с Индией. В этой связи становится понятной и причина появления индийской версии изобретения шатранга в столь характерной для средневекового фольклора форме «загадки-разгадки».

К тому же, как полагают некоторые исследователи пехлевийского эпоса, «Книга о чатранге» излагает события, относящиеся не ко времени Хосрова I, а к гораздо более раннему периоду Ардашира I (III в. н. э.)¹⁹.

Едва ли возможен поэтому историко-хронологический анализ предания для выявления «точных данных» проникновения шахмат в Иран и даже, что представляется ничем не оправданным, установления времени создания игры. А между тем именно так поступил Г. Мэррей, утверждая, будто изучение пехлевийской легенды «говорит в пользу того, что шахматы были изобретены около 570 г. н. э.»²⁰.

Для обоснования своего вывода Г. Мэррей ссылается, в частности, на тот факт, что китайский паломник Фа Сянь, который жил в Индии на рубеже IV—V вв. и подробно описал свое пребывание в этой стране, ни разу не упомянул шахмат. Но, как известно, *argumentum ex silentio* (аргумент от умолчания) является в доказательстве самым слабым. Паломник мог по разным причинам не обратить внимание на игру или находиться там, где о чатранге еще не знали. Отсюда было бы неправильно делать заключение, что она не существовала в данный момент вообще. Интересно отметить, что на основании аналогичных материалов И. Т. Савенков допускал возможность существования шахмат в Индии в IV в. н. э. и даже значительно ранее — во II в.²¹

Дата, выдвинутая Г. Мэрреем, долгое время считалась общепринятой и только в последнее время стала оспариваться историками шахмат и отдельными учеными, исследования которых соприкасались с историей игр. Так, советские исследователи З. Ходжаев и Ф. Дюммель

¹⁸ Древние тексты легенд см.: И. Орбели, К. Тревер, Шатранг. Книга о шахматах, Л., 1936, стр. 57—73, 155—194.

¹⁹ E. Herzfeld, Zoroaster and his World, vol. II, Princeton, 1947, p. 626—628. См. также: J. C. Tavadia, Die mittelpersische Sprache und Literatur der Zarathustrier. Leipzig, 1956, S. 139—140.

²⁰ Г. Мэррей, Насколько стара шахматная игра (пер. с англ.), «Шахматы в СССР», 1938, № 12.

²¹ И. Т. Савенков, Указ. раб., стр. 114.

полагают, что шатранг был изобретен в Северо-Западной Индии при эфталитах, вероятнее всего, в V в.; при этом они принимают версию Г. Мэррея о том, что сасанидский Иран узнал эту игру столетием позже²². Другой советский историк шахмат И. Майзелис пришел к выводу, что чатуранга сложилась в Северо-Западной Индии, примерно во II—IV вв., а основанная на ней новая игра — шатранг — в IV—V вв. (не позднее 500 г.) на территории Средней Азии²³.

Основанием для таких выводов послужили как общеисторические соображения (объединение на протяжении длительного периода народов Северной Индии и Средней Азии в одно государство), так и конкретные исследования терминологии шатранга. Тот факт, что в создании Кушанского и эфталитского государств важную роль сыграли ираноязычные народности Средней Азии, делает не только понятным, но закономерным возникновение терминологии шатранга, которая далеко не вся может быть объяснена строем индийского войска и вообще индийской действительностью. Таковы, например, термины «фарзин», которого не было в чатуранге, и «рух», произошедший от «ратха», но имевший совершенно другой смысл: теперь он означал уже не боевую колесницу, а фантастическую птицу — покровительницу воинов.

Индийская традиция связывает появление шахматной игры на стадии шатранга (именуемой буддхичал — игра, основанная на силе разума) с излагаемым в «Законах Ману» (составлены во II в. до н. э. — II в. н. э.) запретом азартных игр²⁴. Так это или нет, но, во всяком случае, как полагают некоторые исследователи, в сравнительно поздних санскритских источниках (например, в романе Дандина, около второй половины VII в.) не говорится о костях, когда речь идет о шахматах²⁵.

Что касается более ранней санскритской литературы, то в ней упоминание о чатуранге с костями тоже еще не доказано. Поэтому при современном состоянии знаний по данному вопросу было бы нецелесообразно отбрасывать высказанное в прошлом столетии предположение, что игра была изобретена буддистами, которые, направляясь из Индии в соседние страны, принесли с собой и чатурангу.

Возникает, однако, вопрос, на какой стадии развития игры и в какое время появились шахматы — при Кушанах или эфталитах, в форме четверной игры или в известной ныне расстановке фигур?

Сегодня мы еще не можем ответить на эти вопросы. Ясно лишь, что, подобно чатуранге, шатранг — независимо от изменений, которые эта игра претерпела, — воспринимался в связи с буддистским влиянием как индийская игра. И в Иране, испытывавшем значительное индийское влияние при Хосрове I, сложившиеся предания и легенды трактовали шатранг как игру, непосредственно пришедшую из Индии, а завоевавшие Иран столетие спустя арабы стали полностью разделять их взгляды на происхождение шахмат. Так, басриец ал-Джахиз (умер в 868 г.) в своей развернутой характеристике индийской культуры не забывает упомянуть: «Индийцам принадлежат шахматы, а это — самая благородная и самая разработанная и остроумная игра»²⁶.

Рассматривая в целом правильно истоки игры, средневековые авторы были, однако, далеки от знания конкретных обстоятельств ее создания и следовали главным образом легендарным версиям. Поэтому нужно относиться к их свидетельствам весьма осторожно. Необходимо,

²² З. Ходжаев, Ф. Дюммель, Новые данные по истории шахмат, «Шахматы в СССР», 1951, № 10, стр. 304.

²³ И. Майзелис, К вопросу о происхождении и развитии шахмат, «Шахматы в СССР», 1952, № 10—11, стр. 368.

²⁴ Т. Кришнамачариар, Шахматы в Индии, «Шахматы в СССР», 1951, № 6.

²⁵ P. Thieme, Chess and Backgammon (Tric-Trac) in Sanscrit literature, «Indological Studies in Honor of W. Norman Brown», New Haven, Connecticut, 1962, p. 215.

²⁶ Цит. по кн.: Абу Рейхан Бируни, Избранные произведения, т. II, стр. 9.

в частности, учитывать роль Средней Азии, которая в первые века нашей эры вместе с территорией Северной Индии входила в регион, где происходило формирование шахматной игры. В этот период Средняя Азия была, по выражению советского историка и археолога Б. А. Литвинского, своеобразным «ретранслятором» буддизма и индийской культуры как на Дальний Восток, так и в сторону Запада²⁷. Не случайно, например (и это справедливо отмечали уже многие ученые), шахматы получили в раннем средневековье распространение в тех азиатских странах, где буддизм стал господствующей религией или оказывал сильное влияние — в Бирме, Снаме, Тибете, Монголии, Японии, Китае. В большинстве этих стран в соответствии с особенностями быта, военного дела, языка, национальных традиций и т. д. игра в шахматы получила своеобразную трактовку, хотя корни шатранга нетрудно усмотреть и в расстановке фигур, и в правилах игры, и даже (в ряде случаев) в терминологии.

Сложнее вопрос о китайской шахматной игре — «сянци». В ней фигуры передвигаются не по 64 полям, а по 90 «линиям» и «точкам».

Столь значительное отличие сянци от шатранга привело к тому, что некоторые историки стали утверждать, будто она предшествовала шахматам и даже явилась первоосновой, от которой произошла чатуранга. С такой гипотезой выступил, в частности, английский китаист Джозеф Нидэм²⁸.

Однако в его труде настораживает уже название главы, которая посвящена происхождению игры: «Магнит, предсказание и шахматы». В качестве исходной базы для своих умозаключений «о тесной связи между магнитом и шахматами», «о связи между шахматами и астрологической символикой» Нидэм берет следующую посылку: «мы считаем удобным определить шахматы как любой набор небольших символических моделей, которые могут представлять собой не только части армий, но и животных, или небесные тела, такие, как солнце и луна, планеты, звезды и зодиакальные созвездия»²⁹.

Такая посылка позволяет автору делать самые невероятные сопоставления игр и магических действий разных по своей сущности (напр., шахмат и... домино, шахмат и... предсказаний с помощью стрел, палок и т. д.) и даже составить «схему, изображающую родственные связи игр и средств предсказаний в зависимости от развития магнитного компаса». Конечно, при столь вольном методе рассуждений можно объявить и астрономическую игру, изобретенную в Китае в 569 г., как прямую предшественницу и даже идентичную нашим современным шахматам игру. А в своих выводах Нидэм прямо заявляет: «Боевой элемент шахмат, по видимому, развился из предсказательной техники, в которой он предназначался для обеспечения баланса... противоборствующих сил „зла“ и „добра“ во Вселенной (VI в. н. э., Китай, откуда в VII в. они перешли в Индию, превратившись там в игру для досуга)»³⁰.

Нетрудно заметить, что гипотеза эта носит в целом надуманный характер — автор стремится во что бы то ни стало доказать превращение астрологической техники, используемой для предсказаний, в военную игру. В угоду этой предвзятой идее он пренебрегает анализом подлинных исторических фактов, говорящих о возникновении шахматной игры и процессе ее распространения среди народов Азии и Европы. Тем не менее некоторые историки шахмат взяли ее на вооружение.

²⁷ В. А. Litvinsky, Указ. раб., стр. 75; Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль, Указ. раб., стр. 137.

²⁸ J. Needham, Science and civilization in China, vol. 4, part 1, Physics, Cambridge, 1962, p. 314—333.

²⁹ Там же, стр. 315.

³⁰ Там же, стр. 332.

Так, П. Бидев утверждал: «Шахматы возникли в 569 году в Китае как астрологический инструмент предсказания»³¹. При этом он ссылается на Нидэма и приведенный последним в названной выше работе документ «Введение Ван Бао к шахматной книге императора У Ди, который в 569 году изобрел астрономические шахматы». Вслед за Нидэмом Бидев повторяет вывод о том, будто бы в Китае зародились шахматы, а индийская чатуранга является их дальнейшим развитием. Или, как утверждает далее автор гипотезы, «первая крупная реформа шахматных правил (китайских) была осуществлена в VII веке в Индии»³². Эта идея получила развитие в его книге «Шахматы — символ космоса»³³.

Эта гипотеза далека от истины не только потому, что провозглашаемая ею дата — 569 г. (кстати задолго до Нидэма известная историкам) — является слишком поздней для возникновения шахмат. Как уже отмечалось, имеется немало свидетельств, в том числе археологических, которые дают основание предполагать гораздо большую древность этой игры. Возможность развития чатуранги из китайских шахмат (сянци) маловероятна и по той простой причине, что первая исторически отразила строй войска древних индийцев, который еще задолго до VI в. многократно упоминался в эпосе «Махабхарата».

Отсюда естественно предположить, что символическое воспроизведение этого строя на шахматной доске и дало игре одноименное название. Если бы она пришла из Китая, то сохранились бы какие-то этимологические следы этого «пути», подобно тому как легко проследить прямое заимствование терминов от индийцев в среднеазиатско-иранских названиях игры (чатуранга-чатранг-шатранг) и фигур, например, ладьи (ратха-рух). Даже в монгольском названии шахматной игры шатар или в тувинской шыдыраа нетрудно уловить влияние шатранга.

Хотя прямого этимологического влияния шатранга на сянци не видно, однако в большинстве фигур китайской игры и их ходах ясно прослеживается эта связь. Особенно обращает на себя внимание фигура слона в сянци, совсем не характерного для китайского быта и особенно для военной стратегии. Даже Нидэм, почувствовав в этом вопросе слабость своей концепции, вынужден был в примечании заметить, что превращение одной из фигур сянци в слона, возможно, произошло под более поздним индийским влиянием.

Как же в таком случае объяснить тот факт, что, в отличие от других стран, где шахматы в основном сохранили весь строй фигур и правила игры, в Китае от них остались лишь отдельные «следы»? Это вызвано, по нашему мнению, тем, что здесь задолго до прихода шатранга существовали свои шашечные и военные игры, которые пустили глубокие корни в народе и имели уже традиционные формы развития. В этих условиях чужеземная игра могла или совсем не привиться, или использоваться на национальной основе, составив своеобразный симбиоз. Именно такое явление наблюдалось в Китае. Здесь еще в IV в. н. э. была, например, в ходу военная игра, в ходе которой на доске, разбитой на 361 поле, участвовало около 150 фигур, причем двигались они по «линиям» и «точкам»³⁴.

Но какой бы громоздкой и сложной ни была эта игра, отнимавшая к тому же очень много времени у соперников, она имела богатые традиции и потому не могла исчезнуть бесследно при появлении в Китае шатранга, принесенного буддистами (к 580 г. н. э. только на севере страны

³¹ П. Бидев, Шахот е роден 569 во Кина како астролошка концепција. Триумф на теоријата на синологот Нидем, «Македонски шах», Скопје, 1971, № 3, стр. 11.

³² Там же.

³³ P. Bidev, Šah simbol kosmosa. Genesa šaha od kineske astrologije do indijske mištie, Skopje, 1972, s. 55—64.

³⁴ J. Neetham, Указ. раб., стр. 319.

насчитывалось более 40 тысяч буддийских храмов и монастырей. Буддизм оказал влияние на китайскую философию, литературу и искусство, через него Китай приобщился к культуре Индии и Средней Азии)³⁵.

В результате слияния местной игры и весьма привлекательной новинки возникла «синтетическая» форма, известная под именем сянци — «игра слона» (или, как сейчас трактуют в Китае это слово, «игра в батальную стратегию»). От китайской традиции в ней остались лишь «линии», да «точки», по которым велась игра. Возможно, что от этой традиции идет и своеобразная «нейтральная» полоса «хань», которая ассоциируется с «рекой» (хотя иероглиф означает «млечный путь») и разделяет два лагеря противников в середине доски по горизонтали. В IX в. на доске появились пушки (пао), которые также придают сянци известное своеобразие. Зато от шатранга пришли сюда фигуры, часть которых послужила прямым напоминанием об исходной игре — слоны, или советники (сян), кони (ма), колесницы (чэ или цзюй), солдаты (цзу или бин), а часть преобразована в соответствии с китайской действительностью в полководца (цзян или шуай) и ученых (ши).

И хотя вместо изобразительных фигур в игре стали по традиции применяться шашки, на которых иероглифами обозначалось их назначение, это не помешало установить определенную преемственность или, точнее, влияние индийской игры. Поэтому во многом справедливо было утверждение Г. Мэррея относительно сянци: «...ограничение передвижения, которое мы видим в данном случае, является китайской модификацией индийской игры»³⁶. Аналогичное заключение сделал еще раньше И. Т. Савенков: «...каким бы путем не проследовала одна из индийских форм, давшая к концу своего движения значительно видоизмененную китайскую форму,— эта последняя не может претендовать на значительную древность» по сравнению с индийскими шахматами³⁷.

К такому же выводу приходили и китайские авторы. Например, Тан Ао-шуан писал: «По данным, родиной шахмат является Индия, из которой в Европу они проникли через мусульман Среднего и Ближнего Востока, а в Китай занесены вместе с буддизмом еще во времена Танской династии»³⁸.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод, что шахматы возникли не в связи с разного рода астрологическими концепциями, а как военная игра, символически отобразившая строй древнего войска. В пользу этого говорят результаты конкретного, комплексного изучения исторических, этнографических, археологических, литературных, фольклорных источников, данные этимологии и др.

О том, как и где произошло превращение чатуранги в шатранг и о первоначальном развитии шатранга многое можно будет узнать также благодаря археологическим открытиям. Самое ценное состоит в том, что число находок постоянно возрастает. Еще до недавнего времени древние фигурки шахмат, найденные в Средней Азии, исчислялись единицами, сейчас же их насчитывается уже несколько десятков. Кроме отмеченных выше двух пока еще спорных фигурок из Дальверзин-Тепе, шахматы были найдены при археологических раскопках в Фергане, Афрасиабе, Мунчак-Тепе в Узбекистане, городище Хульбук в Таджикистане, в Куль-Кургане, близ Термеза, и других местах.

Среди них представляют большой интерес четыре костяных, исполненных в реалистической манере изобразительных фигуры: всадник и пешка из Афрасиаба, рух из Ферганы и всадник из Хульбука.

³⁵ «История стран зарубежной Азии в средние века», М., 1970, стр. 76.

³⁶ Н. J. R. М и г г а у, *A history of chess*, p. 120.

³⁷ И. Т. С а в е н к о в, Указ. раб., стр. 28, 114.

³⁸ Т а н А о - ш у а н, Китайские шахматы, «Дружба», 1958, 18 янв.

Фигурка вооруженного палицей воина на коне, вырезанная из слоновой кости, была найдена на городище древнего Самарканда (Афрасиаба) и впервые определена как шахматная И. А. Орбели и К. В. Тревер. Авторы отмечают, что по своему стилю она напоминает изображения на наскальных рельефах сасанидских царей. Поскольку они полагали, что сасанидские формы и черты в искусстве и художественном ремесле Средней Азии характерны для несколько более позднего времени, то определили время фигурки VIII—IX вв.³⁹ Как известно, из ар-

Рис. 3. Шахматная фигура. Слоновая кость. Афрасиаб. VI—VIII вв.

Рис. 4. Шахматная фигура «рух». Слоновая кость. Фергана. VI—VIII вв.

хеологических раскопок последних десятилетий, облик таких тяжеловооруженных всадников был характерен для конницы ираноязычных племен Средней Азии, а потому фигурку можно отнести к более раннему периоду — VI—VIII вв.

Не менее интересны еще две, тоже хранящиеся в Эрмитаже восточные фигурки — ладья (рух) и пешка (пайдак). Первая также впервые интерпретирована как шахматная И. Орбели и К. Тревер. Она изображает огромную хищную птицу, держащую в клюве водяную птицу. Как подчеркнули авторы публикации, фантастическая птица рух считалась в древние времена на Востоке защитником и покровителем воинов, и потому вполне закономерным было появление ее в шахматном наборе, изображавшем войско, вместо боевой колесницы, которая не применялась это время на Среднем Востоке.

Что касается фигурки пехотинца, также выполненной из слоновой кости и найденной в Афрасиабе⁴⁰, то она по форме изготовления в какой-то мере напоминает более древние восточные терракотовые статуэтки, которые изображали мужчин, сидящих со скрещенными ногами. Такие

³⁹ И. Орбели, К. Тревер, Указ. раб., стр. 145.

⁴⁰ И. М. Линдер, Шахматы на Руси, М., 1964, стр. 15.

глиняные скульптурки были найдены, например, при раскопках Емши-Тепе в 1969—1970 гг.⁴¹.

Вполне возможно, что более тщательный сравнительный анализ уже известных изобразительных шахматных фигурок, обнаруженных на территории Средней Азии, Ирана, Северной Индии, с терракотовыми фигурками из старых археологических коллекций приведет к неожиданным открытиям в познании истории древней игры.

Многое можно ожидать и от изучения шахмат этнографической наукой. В этой связи приведем пространное высказывание первого в нашей стране исследователя шахмат методами этнографии И. Т. Савенкова, сделанное еще три четверти века назад, но сохраняющее всю свою актуальность и на сегодняшний день: «Шахматная игра, как продукт духовного творчества человека,— писал он,— может и должна занять свое скромное место в ряду других этнографических видов, и сведения о ее распространении и о ее эволюции среди народностей Азии могут не только дополнить психическую, интеллектуальную и бытовую характеристику исследуемой народности, но, путем сопоставления и обобщения, могут содействовать и выяснению вопросов о направлении заимствований, о направлении передвижений народностей, о их родстве и о их культурных и этнических сношениях»⁴².

Что касается конкретной задачи установления истоков происхождения шахмат, то, на наш взгляд, особо важное значение будет иметь серьезное изучение таких вопросов, как развитие военного искусства в древней Индии и сопредельных странах; отображение шахмат в эпосе индийских, среднеазиатских и других восточных народов; развитие античной скульптуры и мелкой пластики на Востоке; роль буддистов в распространении индийской культуры среди соседних народов; исследование быта и духовной жизни в государствах Кушан и эфталитов, которые знали развитые формы городской цивилизации и оказали заметное влияние на другие страны. Комплексное изучение этих проблем в соединении с уже накопленными сведениями позволит приоткрыть завесу над вековой тайной происхождения шахмат.

Успехи археологии, этнографии и других наук, достигнутые в последние годы, позволяют выразить уверенность, что мы находимся на пороге важных открытий и в области истории древнего периода шахматной игры.

---

⁴¹ И. Т. Кругликова, В. И. Сариниди, Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий, «Сов. археология», 1971, № 4, стр. 164, рис. 5, 3.

⁴² И. Т. Савенков, Указ. раб., стр. 56.